И. Г. Добродомов

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ СЛОВА

Словарный состав древнерусских письменных памятников подвергался длительному изучению и до какой-то степени полноты зафиксирован в словарях древнерусского языка, причем в этих материалах отражено понимание древнерусских слов в соответствии с уровнями разных этапов развития исторической филологии и в соответствии с количеством известного на этих этапах материала, что, безусловно, требует дополнительной проверки достигнутого в соответствии с новым уровнем науки, а также на базе нового материала, который не всегда получал убедительную интерпретацию.

В этом отношении представляет большой интерес почти двухвековая история познания историками и филологами уже давно исчезнувшего из русского языка, но еще встречавшегося в XI—XII вв. в памятниках древнерусской письменности слова *къметь*, которое в ретроспективных словарях древнерусского языка и историко-филологических исследованиях обычно получает ошибочное истолкование, которое бездумно воспроизводится в последующих трудах.

Политическая лингвистика обычно ограничивается изучением современного состояния употребления языковых средств и лишь эпизодически обращается к весьма недавнему прошлому и весьма редко к глубокой старине, хотя анализ социально-политической терминологии представляет большой интерес для правильного понимания политической жизни и далекого прошлого, где основным источником являются тексты и слова.

Даже в старых популярных справочных изданиях древнерусское слово *къметь* → *кметь* праславянского происхождения своим колеблющимся то сельскохозяйственным, то военным значением резко противопоставляется крестьянским соответствиям этого слова в других славянских языках: «**Къметь** (стар.), земледѣлецъ, въ нѣкот. древне-русск. памятникахъ — дружинникъ, слуга княжескій; въ наст. время у поляковъ и чеховъ — крестьянинъ; у сербовъ кмети — старѣйшіе домохозяева въ селеніи»[1].

Однако обращение к источникам показывает, что такой семантический контраст между древнерусским словом и его соответствиями в

других славянских языках не имеет под собой прочных оснований и утверждение о военном значении слова *къметь* в древнерусском языке практически древними источниками подкрепляется очень плохо, а возникновение этого толкования в научной литературе связано с ошибками в понимании привлекаемого инославянского материала.

Спорный вывод о военном значении древнерусского слова *къметь* был сделан лишь в XIX веке исключительно при ориентации на весьма скромные материалы древнерусской письменности, где это слово рано вышло из употребления и часто плохо понималось уже в XIV—XVI вв. в списках древних памятников, что перешло и к исследователям XVIII, XIX и даже XXI веков, действовавшим преимущественно в духе догадок на основании смутных контекстов отдельных памятников без глубокого совместного анализа всех контекстов, в которых употреблено слово *къметь* (→ *кметь*).

Повесть временных лет

Переписчики и редакторы «Повести временных лет» довольно рано перестали понимать значение слова *къметие,* читающегося под 1075 годом, например, в Лаврентьевском списке 1377 г. в речи немецких послов к Святославу Ярославичу по поводу показанных им богатств: *ѡни же видѣвше бещисленное множѣство. злато и сребро и паволоки и рѣша се ни въ чтоже ѥсть. се бо лѥжить мертво. сего суть кметье луче. Мужи бо сѧ доищуть и болше сего* (Л. 66 об.)[2].

В Ипатьевском списке из-за непонимания соответствующее место испорчено и читается как бессмысленное *сего суть смѣтье лучьше* (Л. 74), в Хлебниковском и Погодинском списках *Клѣт*, в Ермолаевском — *Клѣ*[3]*,* а в издании Тверской летописи вместо ясно читающегося в рукописи *и сметіе* оригинала напечатано *кметіе*, что, впрочем, оговорено в подстрочном примечании (ПСРЛ 1863, XV, стб. 172).

Неуместное в этом контексте *смѣтие (сметие)* «мякина, мусор, сор» вызвало правку текста, как в Московском летописном своде конца XV века: *лежить бо мертво и сметие, мужи бо ся доищуть и больша сих*[4].

В оригинале Воскресенского списка в аналогичном тексте читается *смятеніе*, в Алатырском — *сметеніе*, но в издании Воскресенской летописи напечатано *сметіе* (ПСРЛ 1859, VII, 1) со ссылкой на ПСРЛ 1846 I, 85, где обсуждается вопрос о соотношении написаний *кметье* и *сметье* в разных списках[5].

Непонимание этого слова в данном контексте уже в XVIII веке обнаружили также и первые издатели Радзивиловской летописи

И.С. Барков и И.И. Тауберт, которые вместо ясно читающегося там *кметие* (Л. 114 об.) напечатали *сметіе* в соответствии с чтением *смѣтие* в Никоновской летописи, печатавшейся параллельно С.С. Башиловым и А.-Л. Шлёцером[6].

Н.М. Карамзин в первом издании своей «Истории государства Российского»[7], вероятно опираясь на Ипатьевскую летопись, открытую им в 1809 году (Хлебниковский список) и А.И. Тургеневым в 1807 году (Ипатьевский список), пересказал содержание этой реплики немецких послов, обойдя неуместное здесь слово *смѣтье (*из *къметие): Государь! Мертвое богатство есть ничто въ сравненіи съ мужествомъ и великодушіемъ* (Карамзин 1816, II, 78), но во втором издании к этой фразе была добавлена в примечании 129 догадка с разъяснением: «Послы Генриковы, видя драгоценности Государя Киевского, сказали: «сего суть *кметье* (не сметье) луче». *Кметье* есть дружина» (Карамзин 1818, II, с. 82 текста, с. 75 пагинации примечаний, прим. 129).

Отожествление *кметье — дружина* у Н.М. Карамзина состоялось потому, что форма множественного числа *кметье* была воспринята им в качестве имени собирательного, как это имело место и позже (возможно, не без влияния Н.М. Карамзина) в академическом «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (вып. 7, М., 1980, с. 195: «*собир*. Искусные, опытные воины, дружинники»), что, впрочем, было исправлено в «Словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.)» (т. IV. М., 1991, с. 352), где *кметье* правильно помещено в состав статьи *къметь*. Такое толкование Н.М. Карамзина возникло не без влияния его более раннего отожествления с дружиной собирательного существительного *къметьство* (варианты *доброименитые* и *кмети*) в Новгородской I летописи старшего извода (об этом речь пойдет далее).

Толкование «дружина», получившее благодаря авторитету Н.М. Карамзина широкое распространение, несмотря на его произвольность и недостаточную мотивированность, лишь сравнительно недавно было убедительно оспорено А. Вайаном, который опирался в своём изъяснении на материал славянских языков, не согласующийся с примитивным пониманием Н.М. Карамзина: «*Кметье* не могли быть воинами, как обычно думают: *къметь*, польск. *kmieć*, с.-хорв. *kmët* и т.д. — землевладельцы, магнаты. <..> Настоящее богатство в производстве, и земледельцы, которые производят и продают свои продукты, более богаты, чем князь-накопитель»[8].

В пользу такого толкования говорит и следующий, кажется, до сих пор не замеченный факт летописного текста — синонимическое

приравнивание в этом контексте слова *кметье* к не имеющему исключительно военного значения слову *мужи*: сначала упомянутые здесь *кметье* во избежание тавтологии (монотонности изложения) далее именуются *мужи*.

Какую-то роль в ошибочном отожествлении *кметей* с *дружиною* сыграл поверхностно понимаемый сходный пассаж с восхвалением дружины (но не кметей) и ее пренебрежения к серебру и злату в «Повести временных лет» под 996 годом (в варианте лаврентьевской летописи): *егда же подъпьꙗхутьсѧ начьнѧхуть роптати на кнѧзь гл҃юще. зло есть наши*^{м} *головамъ| да намъ ꙗсти деревѧными лъжицами. а не сребрѧными. се слышавъ Володимеръ. повелѣ исковати лжицѣ сребрены ꙗсти дружинѣ. ре*^{к} *сице. ꙗко сребромь и злато*^{м} *не има*^{м} *налѣсти дружины. а дружиною налѣзу сребро и злато. ꙗкоже дѣдъ мои и ѿць мои доискасѧ дружиною злата и сребра* (л. 43 об.) = (ПСРЛ 1926—1928, I_2, стб. 126).

При большом сходстве способа выражения похвалы *кметям* под 1075 годом и *дружине* под 996 годом в этих повествованиях речь идёт о разных предметах — *кметях* и *дружине*, для отожествления которых у нас нет никаких оснований, кроме внешне схожих контекстов, где и *кмети* и *дружина* противопоставляются богатству. Тексты «Повести временных лет» под 1075 и 996 годами нельзя считать параллельными: здесь речь идёт о разных понятиях. Отожествить нарративные эпизоды 1075 и 996 гг. «Повести временных лет» можно только в том случае, если заранее быть уверенным в правильности ошибочно закрепившегося в русских словарях сомнительного отожествления *къметие* и *вои*, которое текстами не подтверждается [9].

Новгородские летописи

Если варьирование текста в рассказе «Повести временных лет» под 1075 годом привело к его затемнению и порче, то в Новгородских летописях под 1187 годом такое варьирование текста, возможно, стало поводом скорее для некоторого прояснения. Здесь речь идёт о карательных действиях новгородцев по отношению к новгородским колониям на востоке, вероятно, из-за неуплаты дани, в описании чего в старшем изводе Новгородской I летописи (по Синодальному списку) фигурирует собирательная форма *къметьство*: *избьени быша печерьскои и югърьскии въ Печере, а другии за Волокомь, и паде головъ о сте къметьства*, чему в младшем изводе по Комиссионному списку соответствует форма множественного числа *кметѣи,* где так-

же присутствует синонимичное слову *кметь* тоже двусмысленное слово *данники,* обозначавшее лиц, имеющих отношение в *дани*: как тех, кто платит, так и тех, кто собирает *дань: изьбени быша Печерьскыи и Югорьскыи даньници, а друзии за Волокомъ, и паде головъ о стѣ кметѣи* (л. 118 об.), а вместо последних двух слов этого известия в Академическом (и Толстовском) списке читается: *сто доброименитых*[10]. Первые издатели в Новгородской I летописи по Синодальному списку под общей редакцией митрополита Платона (П.Г. Левшина) А.И. Пельский и М.И. Ильинский конец этой фразы прочитали и напечатали: *паде головъ остекъ метьства*, обнаружив явное непонимание текста[11].

Едва ли основательно полагавший, что здесь речь идёт о гибели новгородцев, Н.М. Карамзин исправил ошибочное чтение *и паде головъ остекъ метьства* первого издания Новгородской летописи и, опираясь на издание Академического списка Новгородской I летописи младшего извода в «Продолжении Древней Российской вивлиофики» Н.И. Новикова, писал: «Новгородцы погибли въ заволочьѣ в 1187 году. Въ лѣтописи: «и паде головъ о стѣ *къметьства»* (дружины) въ иномъ спискѣ: головъ сто доброименитыхъ»[12].

Впрочем Карамзин не был вполне уверен в правильности такого толкования и обнаруживал некоторые колебания. В самом тексте «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин в соответствии со свои пониманием называет погибших *кметей* (*доброименитых*) «чиновники и товарищи ихъ» (новгородцев): «Юный Мстиславъ не предупредилъ зла, и казался слабымъ. Въ вину ему поставили, можетъ быть, и гибель чиновниковъ ѣздившихъ тогда для собиранiя дани въ заволочье, въ страну Печерскую и Югорскую, гдѣ Новгородъ господствовалъ и давалъ законы народамъ полудикимъ, богатымъ драгоценными звѣриными кожами: сiи чиновники и товарищи ихъ были убиты жителями хотѣвшими освободиться отъ ига Россiянъ»[13].

Ретроспективные лексикографы древнерусского языка до сих пор не обратили внимания на слово *доброименитыхъ*, которое, кажется, больше нигде не встречается и нигде не объясняется: его нет и в русских исторических словарях. Отнесение его к военной лексике весьма сомнительно: в качестве начального компонента этого сложного слова выступает не имеющее отношения к воинской терминологии слово *добро* «имущество», да и другое здесь возможное значение «все положительное, противоположное злу» не имеет также исключительного отношения к воинской сфере. Если эта неожиданная замена *кметей* на *доброименитых* справедлива, то тут речь идёт о людях *име-*

нитых, т.е. известных, знаменитых своим *добром*, т.е. имуществом, или положительными качествами. Истолковать же этот гапакс в военном смысле не представляется возможным.

В Новгородских IV и V, а также Карамзинской летописях краткие сведения этой статьи 1187 г. могут быть поняты только как сообщение о гибели неплательщиков дани: *избьені быша Перемьскіи, Югорьскіи, а друзии, паде головъ о стѣ и кметѣи* с сильным варьированием текста по разным спискам[14].

Недавно изданная Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского содержит под 1187 (6695) годом весьма краткую запись: *Того ж(е) лѣта избиени быша перемъскы**и**, югорьскы**и** а друзѣ, паде голо**в** о сте кметѣи*», — которая также недвусмысленно говорит не о гибели новгородцев, а о гибели подданных новгородцам неплательщиков дани (ПСРЛ 2004, XLIII 76).

Н.М. Карамзин несколько поспешно и решительно истолковал непонятное для него собирательное *къметьство* тоже собирательным существительным *дружина*, хотя известное ему по «Девгениеву деянию» (об этом памятнике речь пойдет дальше) слово *кмети* с опорой на хорватское *kmet* «крестьянин» (villano suddito, colon; Bauer) истолковал как «слуги» в неуточненном значении. Множественное числе *кметѣи* в новгородских (I, IV, V) летописях под 1187 годом ему было неизвестно, поэтому он предпочел отождествить собирательные *къметьство* и *дружина*, не учтя двусмысленность текста, в котором речь, скорее всего, шла о неплательщиках дани, а не о в о и н а х-с б о р щ и к а х ее.

Во втором издании «Истории государства Российского» (1818, II, 75, прим. 129) Н.М. Карамзин распространил отожествление *къметьство* с дружиной также на форму множественного числа *кметье*, понятную им также как собирательное существительное.

Поучение Владимира Мономаха и Слово о полку Игореве

Весьма показательно, что А.И. Мусин-Пушкин и его помощники также не смогли правильно прочитать слово *кмети* в изданных ими соответственно в 1793 и 1800 годах «Поучении» Владимира Мономаха и «Слове о полку Игореве».

В первом издании «Поучения» в пассаже о пленении противников Владимира Мономаха: *а самы кнѧзи Б҃ъ живы в руцѣ дава. коксусь. с с҃нмь Акланъ. Бурчевичь. Таревьскыи кнѧзь Азгулуи. инѣхъ кметии молоды*[x]*. е҃і. то тѣхъ живы. ведъ исѣкъ вметахъ въ ту рѣчку. въ*

Славлии по череда[м] *избьено. не съ ·с· в то време лѣпши*[х] (ПСРЛ, 1926—1928, I_2 250—251) — слово *кметии* было расчленено на три *и инѣхъ къ мети и молодых 15*[15], что было отмечено К. Ф. Калайдовичем: «Одно слово *къметии,* в печатномъ изданіи не вѣрно на три части раздѣленное (*къ мети и*), переведено: *въ отмщеніе»*[16].

В похвале Всеволода своим курянам «Слова о полку Игорове»: *а мои ти Куряни свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копія въскръмлени, пути имъ вѣдоми, яругы знаеми, луци у нихъ напряжении, тули отворени, сабли изъострени, сами скачуть акы сѣрыи влъци въ поли ищучи себе чти, а Князю славѣ,* — в первом издании было напечатано: *а мои ти Куряни свѣдоми къ мети* — и переведено: *Мои Курчане въ цѣль стрѣлять знающи* (с. 8).

Ошибочное прочтение и его бессмысленность не явились препятствием для перевода, который был сделан исключительно из приблизительного понимания целого без учёта точного значения и в обход непонятных деталей (*свѣдоми къ мети),* которые получили произвольное истолкование.

Правильное прочтение было достигнуто лишь на исходе второго десятилетия XIX века у В. А. Жуковского (1817), Н. М. Карамзина (1818), К. Ф. Калайдовича и А. С. Шишкова (1819).

В первом варианте перевода В. А. Жуковского читалось в соответствии с переводом первого издания «Слова»: «Метки в стрельбе мои куряне», — то во втором он оставил вновь прочитанное слово без перевода:

А куряне мои бодрые кмети,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концом копья вскормлены…[17]

Н. М. Карамзин в первом издании «Истории государства Российского» дает пересказ, следуя прочтению первого издания «Слова о полку Игореве»: *«Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ витязей: «Они мѣтки въ стрѣляніи, под звукомъ трубъ повиты…»* (Карамзин 1816, III, 214). Во втором издании ошибочная фраза *мѣтки въ стрѣляніи* была опущена (Карамзин$_2$ 1818, III, 219), зато было расширено относящееся к этим событиям примечание 263, где уже фигурирует правильное прочтение и колеблющееся толкование похвальной речи Всеволода в «Слове о полку Игореве»: «Всеволодъ, хваля свою Курскую дружину, говоритъ (*Слово о полку Игоре-*

ве, стр. 8): «а мои Куряне свѣдоми *къмети*»: кметями назывались слуги и дружина» (Карамзин 1818, III, 164 пагинации примечаний, прим. 263).

Девгениево деяние

Здесь Н.М. Карамзин неосмотрительно соединил сомнительное толкование «дружина», которое он дал летописным *кметье* (1075) и *къметьство* (1187), и поэтическое толкование «слуги», которое он приложил к слову *кмети*, обнаруженному им в «Девгениевом деянии» — старинной русской переводной эпической повести о византийском богатыре Дигенисе Акрите[18], которая находилась в том же самом сборнике из собрания А.И. Мусина-Пушкина, где было и «Слово о полку Игореве».

При этом Карамзин опирался на хорватский материал «у славянъ Иллирическихъ cmetiti значитъ быть въ подданствѣ» (Карамзин$_1$ 1816, II, 538), вероятно, по словарю Иосифа Вольтиджи (Вольтича), где зафиксированы *kmet* «крестьянин» (villano suddito, colono — Bauer) и *kmetiti* «служить, отбывать барщину» (robotare, servire alla gleba — fröhnen)[19].

В многочисленных употреблениях слова *кметь/кметъ* в «Девгениевом деянии» обращает на себя внимание высокая оплата *(прибытокъ)* кметей и то, что сарацинский царь Амер называет их *братия моя милая, силни кмети аравитския,* что свидетельствует о наёмном характере этих с л у ж и л ы х людей.

В Погодинском списке «Девгениева деяния» рубежа XVII—XVIII вв. (РНБ, собр. Погодина, №1773) употребление слова *кметь* наиболее многочисленно: *И многіе шатры у него стоятъ, а въ шатеръ во единъ многіе вмѣщаются тысячи сильныхъ и храбрыхъ кметей: единъ на сто напустить (150), а нынѣ многіе шатры стоятъ, а въ нихъ пребываютъ многія кмети, а емлютъ у царя прибытку на годъ по 1000 и по 2000 (150); Амиръ царь и ужастенъ бысть, и призвавъ кметевъ своихъ и рече имъ: «братія моя, силніи кмети, видехъ я ночесь сонъ» (151), Видѣша жь то срацыняне и многія кмети дерзость меньшого брата (152), на что нарекаешься царемъ и силный кметь у себя имѣешы, придатку емлютъ по 1000 и 2000 <..> (155), Амиръ же царь, отпустивъ богатество <..> и взявъ немного кметей своихъ и поиде въ Греческую землю (156)*[20].

Исследователи считают, что в утраченном сборнике со «Словом о полку Игореве» «Девгениево деяние» было близко к редакции Ти-

хонравовского списка 1744 г. (РГБ, собр. Тихонравова, №399), где представлены следующие употребления слова *кметъ*: *Аще имеши мужскую де^{р}зость у себе и кметы твои, то о^{т}ими у мене тщер свою (150), Где суть мои кметы, иже ҂а҃ емлють, а ини и по две и по ҂е҃ и по десяти тысящь? (150), Стратиг же собра множество вои своихъ и кметы своя, и тысящники и поиде о^{т}имати тщерь свою у Девгенія (150)*[21].

В Титовском списке середины XVIII в. (РНБ, собр. Титова, №4369) отмечается больше словоупотреблений: *А иные многие и прочие шат^{р}ы стоятъ і в ни^{х} пребываютъ кмети. А емлютъ [у] царя прибытку на гот по тысячи и по две и силни храбры есть един на сто поидетъ (217); Ами^{р} ц҃рь <...> и рече кмете^{м} свои^{м}: Братия моя милая, силни кмѣти ... (218), нарицаешися ц҃ре^{м} и си^{л}ни имѣешъ у себя кмети, прибытку по 1000 и по 2000 (225), [рече Амир царь] ко аравитяно^{м}: братия моя милая, силни кмѣти аравитския ... (225), [Амир же царь] взял [с] собою отомного кмедеи свои^{х} (225).*

В. Д. Кузьмина особо обращает внимание на близость в «Девгениевом деянии» семантики слов *кметь* и *милостивникъ*, которые встречаются в сходных контекстах, однако слово *кметь* определяет как «витязь (рыцарь)», а *милостивникъ (милостникъ* в Новгородской I летописи под 1136 и 1174 гг., а также Ипатьевской под 1175 г.) — как «любимец» но в подробности их сопоставления В. Д. Кузьмина не входит, подчёркивая только, что последнее слово «не отмечено в памятниках, составленных позднее XIII в.»[22].

Здесь надо отдать должное проницательности Н. М. Карамзина, который, ориентируясь на славянский материал, слову *кметь* приписал значение только «слуга» (не в конкретном значении, а в самом общем, как обозначение служилых людей), причём *кмети-слуги* получали весьма значительный «прибытокъ» и этим противопоставлялись прочим воям «Девгениева деяния». Он ушёл здесь от соблазна видеть в *кметях* воев высшего порядка, мысль о которых приходит при самом поверхностном взгляде на контекст[23].

Синтез у К. Ф. Калайдовича

Если Н. М. Карамзин термин *къмети* «Слова о полку Игореве» толковал расплывчато и с некоторыми колебаниями *(кметями назывались слуги и дружина)*, то К. Ф. Калайдович в русле перевода первого издания памятника (*въ цѣль стрѣлять знающи*) попытался сделать

некоторые уточнения, но допустил при этом ряд ошибок, привлекая сюда материал «Закона судного людем» краткой редакции по Новгородской кормчей 1280 г., где фактически фигурируют, однако, совсем не коренное *къмети(е)*, а производные типа *къметищи* (о чём речь пойдёт дальше):

«Слово кметь, бывшее нѣкогда въ употребленіи у Русскихъ, теперь болѣе не существуетъ въ языкѣ нашемъ. Въ *Пѣсни о полку Игоревѣ,* Всеволодъ говоритъ о своихъ храбрыхъ воинахъ: а мои ти Куряни *свѣдоми Къмети.* Владиміръ Мономахъ, въ Поученіи своимъ дѣтямъ, описывая военные подвиги, упоминаетъ, что онъ плѣнилъ несколько Половецкихъ Князей, и инѣхъ Къметии молодыхъ 15. По снесенію мѣста изъ <Новгородской> Кормчей, Пѣсни Игоревой и Поученія Владимира IIого, открывается, что кмети были *наѣздники, занимавшіе на войнѣ первое лице послѣ Княжескаго и получившіе по Князѣ значущую часть ратной добычи,* называя своихъ Курчанъ свѣдомыми кметями или наѣздниками, и описавъ ихъ военныя доблести, въ подтвержденіе значенія слова *Кметь* говоритъ, что они *скачутъ акы сѣрыи влъци*[24] *въ полѣ.* Ещё въ XIII и XIV вѣкахъ въ Богемскомъ языкѣ подъ словомъ kmet разумѣвался всадникъ. Вацлавъ Ганка въ своей книжкѣ: Rukopis Králodworský или König<in>hofer Handschrift (издан. 1819 в Прагѣ), помещая нѣсколько Богемскихъ пѣсень (которых пергаминный оригиналъ учёный Добровскій полагаетъ писаннымъ между 1290 и 1310 годами) въ объясненіи вышедшихъ изъ употребленія словъ, къ симъ пѣснямъ присоединённомъ, говоритъ, что слово kmet значитъ: sedlák; kmetský — sedlský: слѣдовательно: (всадникъ) наѣздникъ, наѣздничій. Въ послѣдствіи времени слово сіе у Славянъ Иллирическихъ измѣнило своё значеніе. Такъ въ Славянской Грамматикѣ (подлинникъ въ Духовной Типографской Библіотекѣ), сличенной съ разными наречіями языка сего и сочинённой въ Сибири (по словамъ Архіепископа Евгенія Юрьемъ Бѣлинымъ), простонародной выговоръ именуется *кметскимъ.* У нынешнихъ Сербовъ кметь есть то же, что honestus agricola. Въ каждомъ небольшомъ селеніи находятся два и три, а въ большомъ и болѣе кметовъ, съ которыми Кнезъ во всякое время совѣтуется, как съ сельскими старѣйшинами, по свидѣтельству сербского писателя Вука Стефановича Караджича. Сей почтенный однородецъ ихъ увѣрялъ меня, что Турокъ встрѣтясь съ незнакомымъ ему Сербомъ и желая въ привѣтствіи его уважить, называетъ кметомъ.

Сего подробного объясненія одного, но довольно значительного, слова достаточно для доказательства, что переводъ нашей Кормчей принадлежитъ Славянамъ Южнымъ[25].

Большая часть этих соображений К.Ф. Калайдовича была изложена им и ранее в письме Н.М. Карамзину от 23 июня 1819 года, черновик которого заканчивается следующими словами: «И в Ваших объяснениях двух древних повестей (т. III, 538) кмети-слуги и cmetiti у славян иллирических значит быть в подданстве. Объяснением слова *кметь* я обязан догадке почтенного нашего археографа А.И. Ермолаева»[26]. Вероятно, к этому же источнику восходят и чтение слова *кметь* в переводе В.А. Жуковского и соображения Н.М. Карамзина.

Следует отметить две существенные ошибки в интересных рассуждениях К.Ф Калайдовича:

1) В Новгородской Кормчей 1280 г. (в составе входящего в эту рукопись «Закона судного людем») читается не *кмети*, а производное от последнего патронимическое образование *кметищи*, которые нельзя отожествлять.

2) Чешские слова *kmet, sedlák* совсем не значат «всадник, наездник» как по созвучию с русским словом *седло* ошибочно полагал К.Ф. Калайдович, а «крестьянин, поселянин».

Колебания А.С. Шишкова

А.С. Шишков, рецензируя 8—12 июля 1819 года в газете «Русский инвалид» (№№ 157—161, с. 629—630, 633—634, 638, 641—642, 645—646) появившуюся тогда книгу Я.О. Пожарского, в обширной публикации «Некоторые примечанія на книгу, вновь изданную под названіемъ: Слово о полку Игоря Святославича, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ съ приосовокупленіемъ примѣчаній (Санктпетербургъ 1819)» уже принял чтение *къмети* и с опорой на слово *кметь*, «во многихъ славенскихъ наречіяхъ и понынѣ употребительное», и перевёл *свѣдоми къмети* «извѣстные всѣмъ люди, славный народъ» (Русский инвалид, 1819, № 161, с. 646).[27]

Однако уже в следующем году А.С, Шишков в комментариях к своему изданию «Краледворской рукописи» В.В. Ганки практически отказался от этого толкования слова *къмети* в «Слове о полку Игореве», ориентируясь на привычное и критикуя в примечании 11 не названного им К.Ф. Калайдовича: «11. *Kmetie.* Кмети, поселяне, жители (landmann, нѣм.). Слово *кметь* иногда обозначаетъ воина, иногда просто поселянина. Въ Словѣ о полку Игоревѣ сказано: *А мои ти Ку-*

ряне свѣдомы кмети, т.е. извѣстные бойцы, воины. Здѣсь <т.е. в Краледворской рукописи» — *И.Д.*> означаеть просто или болѣе поселянинъ. Слово сіе въ маленькомъ приложенномъ Словарикѣ истолковано такимъ образомъ: *Kmet,* sedlák, *kmetský,* sedlský. Но по Богемски *sedlák* то же nivar <так!> (от *нива*); по Польски *sielanin*; по Босняцки *seglianin, kmet*»[28].

Не согласился видеть в этом пассаже Слова о полку Игореве кметей (в соответствии с чеш. *kmet* «старейшина») и остался при мнении первых издателей сам В. Ганка: «Sviedomi k meti, *k metánj, hazenj, sudlicemi a oštěpy; lépe* než kmeti *t.g. sedlláci* neb *starci*»[29].

Наложившиеся на первоначальное толкование неправильно прочитанного слова *къ мети* у первых издателей (*мѣтки въ стрѣляніи*) и на военное толкование Н.М. Карамзина (*дружина*), отход А.С. Шишкова от толкования «люди, народ» в сторону «бойцы, воины» и особенно соображения К.Ф. Калайдовича о *всадниках* получили признание у комментаторов «Слова о полку Игореве» Н.Ф. Грамматина (*искусные всадники*). Д.Н. Дубенского (*ловкие наездники*), Н.Г. Головина (*мужи конники*), впрочем без ссылки на К.Ф. Калайдовича[30].

Проникновение ошибки в лексикографию

Некритический синтез приписываемых *кметям* проблематичных характеристик (совершенно ошибочные «меткая стрельба» и «искусное наездничество», а также довольно сомнительная «принадлежность к дружине») привёл к появлению в вышедшем под редакциею А.Х. Востокова втором томе “Словаря церковнославянского и русского языка, составленного Вторым отделением имп. Академии наук» (т. II. СПб., 1847, с. 181) старинного слова *кметь* «отличный воин, витязь»[31], откуда возникшее на шатких основаниях толкование распространилось в последующих словарях, что создает впечатление единомыслия, хотя фактически далеко не все историки согласны с этим и в литературе представлены также другие мнения, основанные на конкретном материале.

Некоторую настороженность к толкованию академического «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 года проявил редактор второго тома академического словаря 1847 года А.Х. Востоков, который в своем «Церковнославянском словаре» (т. I, СПб., 1858, с. 191) дал слову *кметь* более сдержанное определение «воин» и сослался на противоречащее ему значение «работник, земледелец» слова *кметь* у других славян. В «Материалах для словаря древнерус-

ского языка» И.И. Срезневского (т. I, СПб., 1893, стб. 1340) при поэтическом толковании «витязь» также даны ссылки на противоречащий этому толкованию материал других славянских языков. Академический «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (вып. 7. М., 1980, с. 183) едва ли удачно соединил толкование А.Х. Востокова и И.И. Срезневского в амплифицированной редакции: «Воин, дружинник; искусный, опытный воин, витязь». Без лишней амплификации «Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)» (т. IV, М., 1991, с. 352) категорично соединяет стилистически противопоставленные терминологическое и поэтическое слова в едином смутном и ошибочном толковании: «Воин, витязь».

Неоправданная категоричность неоправданных же толкований последних словарей дает свои плоды в виде неукоснительно ошибочных построений К.А. Максимовича. Повторённое и в других словарях военное толкование слова *къметь* стало воспроизводиться без критики как единственное, что привело к массе недопониманий применительно к памятникам древнерусской письменности, как это произошло в целом ряде публикаций К.А. Максимовича, перманентно варьировавшего сомнительную военную семантику слова *къметь*[32] и столь же наивно «забывавшего» о более правдоподобных других мнениях, которые ему мешали.

Однако никак не относится к военной сфере загадочное употребление слова *кметъ* в «Хронике Иоанна Малалы»: *и оувѣдѣвъ женоу свою Егаалью блоудúвшю съ болꙗриномъ кметомъ,* где последним двум словам в греческом оригинале соответствует одно συγκλητικοῦ («член синклита, советник»), которое обычно переводилось словом *бояринъ (болꙗринъ).* Но и здесь в некоторых списках фигурирует византинизм *комитъ* (κόμης / κόμητες от латинского comes / comites), обозначавший «вельможу, управителя, сановника, военачальника»[33], который встречается в некоторых рукописях «Хроники», что говорит о смешении сходных по составу согласных слов *къметъ (къметь)* и *комитъ*[34]*,* сближенных со словом *бояринъ,* над чем следует задуматься.

Имеется ещё один загадочный случай употребления слова *кметь* на 224 листе Июньской служебной минеи XII века (ГИМ, Син. 167), отмеченный в описаниях этой рукописи: «На послѣднемъ листѣ написаны чернилами двѣ фигуры на коняхъ: при одной надпись: *ц҇рь*; при другой *гааурo*. По-видимому, написаны были ещё двѣ фигуры, но въ послѣдствіи вырѣзаны; остались надписи, при одной: у д а л е ц

ь, при другой с о п е ш к а; между ними: к м е т и д в а. Надписи по почерку и изображенію не всѣ одновременны, впрочем довольно древніе, ст. XIV или XV»[35]. В новейшем каталоге описание несколько отличное: «на л. 224 неискусные фигуры двух воинов, у верх. фигуры надпись «цесарь», у нижней «гааурo»; против изображения «цесаря» — два коня. В ниж. части листа два отверстия на месте вырезанных изображений, около которых уставом XIII в. надписи: «удалец», «кмети два», «сопешка», «Иону в ките господи единого въсели»»[36]. Делать какие-либо выводы о семантике слова *кметь* на этом основании представляется рискованным и преждевременным.

Данными случаями полностью исчерпываются все известные нам примеры употребления слова *къметь* в древнерусской письменности, приуроченной к великорусским территориям[37]. К XV веку слово *къметь* продолжало употребляться лишь в деловой письменности Юго-Западной Руси[38] (не без польского влияния), но здесь оно обозначало только крестьян в соответствии с данными прочих славянских языков.

Раннее исчезновение из русского языка и превратное понимание в письменной и учёной традиции старого слова *къметь*, которое активно употребляется в поздних списках «Девгениева деяния», противоречит мнению А. Вайана об отнесении времени появления этого памятника на Руси к позднему средневековью — эпохе так называемого второго южнославянского влияния (XVв.) и ещё более экстравагантному мнению А. Мазона об отнесении его даже к XVIII веку, что активно опровергала В. Д. Кузьмина[39].

Сомнительные *къмети*

Существует странное смутное мнение о том, что «В «Задонщине» вместо *къмети* <«Слова о полку Игореве»> употреблено *полководци*, что <якобы — *И. Д.*> весьма показательно для истории слова *кметь*»[40] и что даже как бы подтверждается некоторыми изданиями «Задонщины»: *Те бо суть сынове храбрии, кречати в ратном времени, ведоми полководцы, под трубами поють и под шеломы возлелияны, конець копия вскормлены в Литовской земли*. Однако важно учесть, что в цитируемом здесь популярном издании напечатан не подлинный текст «Задонщины», а его синтетическая реконструкция по разным спискам. Это указано в «Комментарии археографическом», причем текст применительно к слову *полководцы* подвергся конъектурной правке на основе реальных загадочных вариантов *полѣводцы* и *полковидцы* в разных списках, что оговорено в разделе «Варианты»[41].

Обращение же к более серьёзным исправным изданиям «Задонщины»[42] показывает, что там в похвале Ольгердовичам из Литовской земли при всеобщей порче текста отсутствуют упоминание слова *полководцы*, или же читаются непонятные слова *полѣводцы*, *полковидцы: Ти ибо бяше сторожевыя полкы, на щитѣ рожены, под трубами поють, под шеломы възлелѣяны, конец копия вскормлены, с вострого меча поены в Литовьскои земли* (с. 89—90); *Тые ж бо есть сынове храб<р>ии, родишася в ратное време, под трубами нечистых кочаны, конеи вскормлены, с коленых стрел воспоены в <Ли>тивскои земли* (с. 98); *Тѣ бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и вѣдомы полѣводцы, под трубами под шеломы злачеными в Литовскои земли* (с. 114); *Тѣ бо суть сынове храбрии, кречати в ратномъ времени, ведоми полковидцы, под трубами и под шеломы возлелияны въ Литовъскои земли* (с. 127).

Из этих сильно испорченных текстов ничего надёжного извлечь невозможно, как и из более исправного текста Печатного варианта Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», где при явной реминисценции «Слова о полку Игореве» (или «Задонщины»?) фигурируют *Рускіе оудальцы свѣдоми*: *И говоритъ Князь Владимеръ Анъдрѣевичь: «Господине Князь Димитреі Ивановичь, воеводы оу насъ велми крѣпцы, а Рускіе оудальцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ велми тверды <...> а доро́га имъ вѣлми свѣдома, березе имъ по Оцѣ изготовлены, хотятъ головы своя сложити за вѣру Христіянскую и за твою обиду Государя Великого Князя»*[43].

И в «Задонщине» и в Печатном варианте Основной редакции «Сказания о Мамаевском побоище» использованы поэтические формулы «Слова о полку Игореве», но слово *къмети* как устаревшее было отвергнуто и заменено другим, причём, возможно, даже не синонимом.

Домыслы исследователей

Иллюзорная «военная семантика», приписываемая слову *къметь,* как и положено любому призраку, постоянно бездоказательно и безответственно варьировалась зачастую неизвестно откуда взявшимися деталями, как это имело место в беллетризованной исторической книге Н. И. Костомарова «Севернорусские народоправства», где альтернативные синонимичные *кмети* и *доброиме-*

нитые Новгородских летописей превратились в якобы однородных *кметей* и *добрых удальцов*, которым произвольно приписаны функции застрельщиков: «Въ войскѣ всегда были удалые, отважные молодцы — открывали бой, задирали непріятеля; они назывались «кмети» и «добрые удальцы»»[44].

Не удивительно, что древнерусское слово *къметь* ошибочно именуется старославянским и толкуется как «ратник, дружинник, всадник», а далее применительно к «Слову о полку Игореве» дается загадочная сентенция, что здесь «характеризуются не сами по себе к м е т и, а простые ратники Курской земли, к у р я н е*,* воинские достоинства которых уподобляются выучке профессиональных воинов к м е т е й»[45].

Не менее удивительно, что даже один и тот же автор, пишущий о слове *къметь* в древнерусской письменности, противоречит самому себе и определяет его семантику по-разному и весьма противоречиво, как это имеет место, например, у безапелляционного К. А. Максимовича[46], который с перманентной лабильностью определяет слово *кметь* то как «княжеский дружинник» (с.110), не упоминая при этом названий для боярских и т. п. дружинников, то как «знатный витязь» (там же), не упоминая названия для незнатных витязей, то как «высокопоставленный военный» (с. 114) и несовместимое с ним «дружинник среднего звена»[47] без указания терминологического обозначения для дружинников других звеньев, то как «знатный дружинник» (с. 118), причём для дефиниции используются как терминологические *воин, дружинник,* так и поэтическое *витязь* без учёта их разного семантико-стилистического содержания[48].

Сильная размытость и противоречивость формулировок весьма затрудняет ведение диалога с К. А. Максимовичем, который в разных местах своих разысканий предпочитает весьма решительно говорить об одном и том же по-разному. Например, для времени исчезновения из русского языка слова *къметь*, в последний раз упоминающегося в новгородских летописях (I, IV, V) под 1187 годом, К. А. Максимович даёт даже в пределах одной и той же статьи 2004 г. весьма условные, но почему-то необъяснимо разные указания: «Вероятно, уже с конца XII в. данный термин выходит на Руси из употребления…» (с. 110) и «Примерно в XIII в. выходит из употребления» (с. 116). В книге «Законъ соудьныи людьмъ» того же года издания аналогичная фраза содержит также несколько отличающуюся загадочную дату: «Вероятно, уже с конца XII — начала XIII в. данный термин выходит на Руси из употребления…» (с. 62). Через шесть страниц датировка таинственно и столь же неожиданно меняется более существенно: «… активное

<??> использование термина *кметь* в русской книжности относится к XII—XIII вв., после чего этот термин становится непонятным и выходит из употребления» (с. 68).

Причины такой непостижимой сбивчивости и смутности неясны.

Къметьство Ипатьевской летописи

Для раскрытия значения слова *къметь* иногда привлекают едва ли обоснованно производное от него слово *къметьство* с абстрактным значением, которое встречается под 1150 годом в Ипатьевской летописи (л.151) при описании впечатления киевлян от воинского турнира в Киеве на Ярославлем дворе внука Владимира Мономаха Изяслава Мстиславича: *Киꙗне же диваѧхутсѧ Оугромъ множеству и кметьства ихъ. и комонемъ ихъ* (ПСРЛ 1908, II_2, стб. 416), причём несколько неожиданный родительный падеж *кметьства* повторён в Хлебниковском *(кмѣтства)* и Погодинском *(кмѣтьсътва)*, порча текста в Ермолаевском списке ещё больше: *и многое множество Киянъ дивляхуся Оугромъ множеству и кмѣцява* (с. 33, разд. пагин.).

Н. М. Карамзин, излагая этот эпизод в своей «Истории государства Российского», обошёл слово *кметьство*: «За роскошнымъ пиромъ слѣдовали игры, и народъ ликуя среди обширного двора Ярославова, съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ристаніе искусныхъ Венгерскихъ всадниковъ» (Карамзин$_1$ 1816, II, 233).

А. А. Потебня объяснил, и весьма убедительно, значение абстрактного существительного *къметьство,* не прибегая к исключительно военной семантике: «Каково бы ни было болѣе древнее значеніе слова *къметь* и независимо отъ его значенія в ст.<аром> Чеш. и ст.<аром> и нов.<ом> Поль.<ск>., Литов. (изъ Поль. или стар. Русск. kumetys), и Серб., в Русск. XII в. оно имѣло значеніе мужа (какъ воина, взрослого человѣка). Какъ Чеш., Слов., Chlap въ «ty si…» знач. молодецъ (ein tüchtiger, braver kerl) и какъ мужество, virtus — от мужь, vir, такъ *къметьство* — не только collect. (Новг. I, 19), но и abstract. удальство: тогда же Угре на фарехъ и на скоках на Ярославли дворѣ многое множество (т. е. джигитовали). Кіяне же дивляхуться Угромъ множеству, и кметьству (въ подл.<иннике> — ьства) ихъ и комонемъ ихъ Ип. 56, 20. Такимъ образомъ и комоньство — доброта, достоинство, удаль коня: «конь же его (Андрея) язвенъ вельми, унесъ господина своего, умре; князь же Андрей, жалуя комоньства его повелѣ и погрести надъ Стыремъ, ib. 47. 20»[49].

В пользу рассуждений А.А. Потебни могут говорить брянские диалектные слова *кметьё* (собир.) «о способных, сметливых людях», *кметкий*, *кметной* «способный, сметливый, находчивый», отмеченные В.А. Козыревым[50], но не попавшие в сводно-академический «Словарь русских народных говоров».

Рускія удальцы свѣдомы в цитате неизвестного происхождения, взятые Н.М. Карамзиным из точно не названного им источника, не могут быть просто отожествлены с *свѣдомыми къметями* «Слова о полку Игореве»: *Рече же Князь Владиміръ: Господине Княже! Воеводы у нас вельми крѣпцы, а Рускія удальцы свѣдомы, имѣютъ подъ собою борзыя кони, а доспѣхи вельми тверды <..> а дорога имъ вельми свѣдома, а береги имъ по Оцѣ изготовлены; хотятъ главы свои сложити...*[51]

Однако для объяснения семантики слова *къметь* отсюда нельзя извлечь ничего определённого.

Къметищи **«Закона судного людем»**

Также ничего надёжного для семантики слова *къметь* нельзя извлечь из однокоренного патронимического по происхождению, но совсем другого слова *къметищь*, которое встречается в переводном юридическом памятнике «Закон судный людем».

Произвольное безоговорочное отожествление слов *къметь* и *къметищь* у К.А Максимовича можно сравнить с невозможным отожествлением древнерусского термина *бояре* с другим социальным термином *дети боярские*, хотя по части называния между ними есть очевидная номинационная связь, но семантические отношения не совпадают с номинационными.

В главе третьей «О полонѣ» «Закона судного людем» употребляются производные от *къметь* патронимические существительные *кметищь* (этимологичесски "сын кметя, кметич") и *кметищищь* со старославянским одиночным или двойным патронимическим суффиксом -*ищ*[52], обозначающие каких-то выходцев из сословия кметей, причём их форма именительного падежа множественного числа выпадает из не очень ясного связного текста по Новгородскй Кормчей 1280 года: *аще ли ѡбрѧщють^с ѥтери ѿ тѣхъ дързноувше. илі кметищи. или простыхъ людии подвігы и храборьство сдѣꙗвше ѡбрѣтаꙗисѧ кнѧзь или воѥвода в то времѧ. ѿ реченаго оурока кнѧжа да подаѥть ꙗко и лѣпо* (л. 338а)[53].

В текстах этого древнейшего извода (извод древнейших кормчих) это слово дано в формах разных падежей: *кметици* (с. 42 — Варсонофьевский список XIV века), *къмети* (с. 48 — Устюжский список начала XIV века) при *кметицемъ* в Иосафовской кормчей XVI века.

Варьирование в списках извода Мерила Праведного между *кметици* Троицкого списка XIV века и чтениями *кметицю, кметицу* Синодальных второго (конец XV — начало XVI вв.) и третьего (XVI в.) списков, а также Кирилло-Белозерского (середина XVI в.) (с. 59) вводит в оборот форму дательного падежа единственного числа, которая далее оказывается господствующей в Чудовском и Софийском изводах краткой редакции.

Во всех списках Чудовского извода XV—XVII веков представлены только формы дательного падежа единственного числа *кметицꙋ, кметицю, къметицу*, в том числе в Чудовском списке 1499 г. (с. 71); аналогично обстоит дело и в 15 списках Софийского извода XV—XVI вв.: *къметїцю, кметицу, къметицоу* (с. 91).

В реконструкции «Закона Судного людям» краткой редакции на основании 54 списков Л.В. Милов и М.Н. Тихомиров следовали чтению *кметици* списка Новгородской кормчей 1280 г. как древнейшего (с. 105).

В Пространной редакции «Закона Судного людем» (учтено 6 списков Пушкинского и Археографического изводов) в соответствующей главе, носящей название «О бранѣхъ», читается загадочное *къмѣтицищь, къметицищь*.

В Сводной редакции (11 списков XV—XVI вв) читается слегка русифицированный вариант *кметичищь* и испорченный *кметичиць.*

Форма *къмѣтицищь* легла в основу особой реконструкции пространной редакции[54].

Текст весьма труден для понимания, поэтому заслуживает одобрения попытка понять его по древнейшему списку Новгородской кормчей без конъектур с точки зрения своеобразного синтаксиса: «Так в предложении: аще ли *обрящють*(с) етери о(т) тѣхъ дьрзноувше, или *кметици*, или *простыхъ людии* подвигы и храборьство сдѣявше з<акон> с<удн.> 1280, 338а — И<мен.>П<адеж> *кметици,* являющийся подлежащим при *обрѧщються*, стоит рядом с Р<од.>П<адежом> целого *простыхъ людии*, выполняющим определительную функцию; аналогично — многие из нихъ *московскихъ бояръ* и *торговые люди* и *кр(с)тьяне* »[55].

В этом синтаксическом подходе сделана вполне понятная опора на древнейший список, но, к сожалению, не учтена весьма сильная

традиция употребления в данном контексте формы дательного падежа *кметицу*, *кметицемъ*, которое также, как и именительный, не вписывается в общий контекст и требует особого комментария.

Представляется весьма странным, что Й. Вашица при осмыслении всего этого материала свою реконструкцию строил исключительно при опоре вовсе не на самую старую, но зато на самую редкую единичную форму *къмети* из «Устюжской кормчей» начала XIV века, внося одновременно в реконструкцию необоснованные исправления текста. При этом патроним *кметищь*, представленный в большинстве списков, был безосновательно подменён совсем иным, присутствующем лишь в одном списке словом *къметь*: **аще ли обрѧщють<сѧ> ѥтери от тѣхъ дьръзноувъше, или къмети<и> или простъіхъ людии, подвигъі и храбърьство съдѣꙗвше обрѣтаꙗи сѧ кнѧзь или воѥвода в то времѧ от реченаго оурока кнѧжа да подаѥть ꙗко и лѣпо,**[56] которое едва ли было в оригинале.

В свое время некритически восприняв сомнительную реконструкцию Й. Вашицы и пойдя по пути наименьшего сопротивления, я ошибочно истолковал понятное сейчас сочетание *простыхъ людии* в качестве глоссы к непонятному в настоящее время *къмети(щи)*, [57] что вызвало активное (но безадресное!) возражение К.А. Максимовича с не вполне внятными абстрактными рассуждениями без какой бы то ни было логики и конкретизации: «В данном контексте невозможно понимать *простии людие* <в тексте *простыхъ людии!* — И.Д.> как глоссу — это привело бы к большим натяжкам <?> в истолковании общего смысла фразы. Текстология З<акона>С<удного>л<юдем> также <?> не дает никаких оснований считать *простии людие* глоссой, поскольку списки, сохранившие древнейшую редакцию ЗСЛ, позволяют с высокой степенью вероятности <?> реконструировать исконный текст (что и было блестяще <?!?> сделано издателем ЗСЛ, чешским филологом Й. Вашицей)»,[58] допустившим, однако, в данном случае загадочно произвольную и явно ошибочную реконструкцию. Как тезис об абстрактных больших натяжках, так и тезис об отсутствии загадочных текстологических оснований остались нераскрытыми вместе с причинами восторга по поводу загадочного темного блеска необоснованной реконструкции Й Вашицы.

К.А. Максимович лукаво отрицает наличие глоссы в цитируемой им по произвольной конъектуральной реконструкции Й. Вашицы *или къмети<и>, или простыхъ людии* (в реальном древнейшем тексте Новгородской кормчей 1280 г.: *или кметищи, или простыхъ людии*) только потому, что он предусмотрительно назвал контекст с пояс-

няющей внутритекстовой глоссой смутным дополняющим переводом, дав ему не менее загадочную дефиницию: «*Дополняющий перевод* — содержит лексические дополнения, привносящие новую (т.е. отсутствующую в оригинале) информацию» <поясняющего характера!>,[59] что обычно в филологии именуется все-таки глоссами: глосса всегда является дополненим к тексту.

Но ведь введённая в текст маргинальная глосса и есть дополнение, которое призвано разъяснять текст, который К.А. Максимович совершенно не анализирует с текстологической стороны, наивно доверившись необоснованной и странно «блестящей» реконструкции Й. Вашицы и столь же наивно веруя, что текстология “Закона судного людям” «не дает никаких оснований считать *простии людие* глоссой», ибо никаких текстологических разысканий у К.А. Максимовича нет, как и ссылок на чужие текстологические исследования.

Именно обращение к текстологии «Закона судного людем» по обстоятельным публикациям Л.В. Милова и М.Н. Тихомирова (а не по довольно сомнительной и почему-то ослепительно «блестящей» реконструкции Й. Вашицы), от чего велеречиво боязливо уклонился К.А. Максимович, даёт веские основания считать, что в этом месте есть внесённая в текст глосса, только видеть её нужно не в понятном сочетании *простыхъ людии*, которое своим родительным падежом хорошо вписывается в контекст (нужный здесь родительный падеж), а в не очень сейчас понятном *кметищи, кметищу, кметищемъ* в именительном или дательном падежах, что в обоих случаях не очень хорошо вписывается в контекст (не вполне органически в любом случае).

Находившаяся рядом с текстом маргинальная глосса в именительном или дательном падеже (в последнем случае об адресате вознаграждения из военной добычи) была механически инкорпорирована в текст без нужных изменений, и текст оказался испорченным и непонятным.

В связи со сказанным встаёт вопрос: была ли маргинальная глосса на полях изначально или возникла в ходе бытования текста на Руси?

Неясность ответа на этот вопрос делает ещё более сомнительным предположение Л. Гавликовой и фактически следующего за ней К.А. Максимовича о том, слово *къметь* пришло в русские памятники вместе с «Законом судным людем»[60], но ведь реально в подавляющем большинстве текстов «Закона Судного людям» представлено вовсе не *къметь,* а совсем другое производное от него *кметищь* с неясным значением.

Патронимический суффикс *-ищ-* этого образования носит ярко выраженный южнославянский болгарский характер, вместо ожидаемого моравского *-иц-*, что противоречит постулируемому Л. Гавликовой и повторяемому фактически вслед за ней К.А. Максимовичем положению о приходе на Русь «Закона судного людем» прямо из Моравии якобы вместе со словом *къмет(ищ)ь* <?>, а проблема суффикса просто не замечается и не обсуждается.

Надо учесть, что в греческом оригинале «Закона судного людем» в главе III «О полонѣ» славянскому тексту или *кметищи, или простыхъ люди,* соответствует ἀρχόντων, которое в другом параллельном переводе передано *отъ бояръ* без глоссы (т.е. без «дополняющего перевода» К.А. Максимовича): в переведённых на рубеже XII—XIII вв. «Книгах законных» имеется параллельное место: *Аще ли же ωбрящются нѣцїи ѿ боꙗръ* (= ἀρχόντων) *моужьствовавше, воевода ѿреченоꙗ доли ωбчеꙗ казны ωбласть имѣеть подарити ихъ*[61].

К.А. Максимович сначала обратил внимание на параллелизм текстов «Книг законных» и «Закона судного людем», которые оба восходят к отдельным главам и титулам византийского юридического кодекса 741 г. «Эклога» императоров Льва III и Константина V: «Любопытно также, что для древнерусской юридической компиляции XII—XIII вв. «Книги законные» данный фрагмент «Эклоги» был переведён заново — в этом переводе греч. ἀρχοντες соответствует абсолютно корректный русский эквивалент *боꙗре*»,[62] — но в дальнейшем активно замалчивал это мешающее безоговорочно видеть в слове *къметь* военное значение и поэтому неподходящее наблюдение[63], хотя оно было чрезвычайно важно для выяснения значения загадочного слова *кметищь* (не *кметь*!), но противоречило его фантастической концепции.

Считая вслед за Л. Гавликовой, что «Закон судный людям» пришёл на Русь из Моравии, и скрыто подменяя реально имеющийся в подавляющем большинстве списков этого памятника явно болгарский термин *кметищь* нужным ему для анализа термином *кметь*, фигурирующим только в не самой старой Устюжской кормчей начала XIV в., К.А. Максимович некритически приписал слову *кметь* весьма проблематичное военное значение из новейших ретроспективных словарей древнерусского языка, обойдя при этом показания как древнерусских текстов, так и древнечешских памятников, где нет никакого военного значения ни у русского *кметь*, ни у чешского *kmet,* ни у его латинской передачи *cmeto* | *cmetones*[64]*,* а также замолчав тот факт, что Й. Вашица свою необоснованную и неудачную до блеска рекон-

струкцию с конъектуральным словом *къметь* (написание которого отличается от принятого произвольно у К. А. Максимовича **kmetь / къмьть* перевел чешским архаичным *kmet* «старец, сенатор, старейшина»[65], что поколебало бы шаткие построения К. А. Максимовича. Но и лукавое замалчивание неудобного материала только усилило их шаткость, которую в этом случае не нужно даже доказывать: замалчивание фактов говорит об их губительности для «замалчивателя», каковым выступил К. А. Максимович.

В трактовке К. А. Максимовичем материала «Закона судного людем» были доведены до крайности те опасные тенденции легковесного изучении древнерусской лексики, которые долго держались благодаря русской исторической лексикографии.

Если в «Материалах для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам» академика И. И. Срезневского (т. I, СПб., 1893, стб. 1390) при взятых из разных изданий «Закона судного людем» словах *къметичищь = кметичищь, къметищь = кметищь*, оставшихся для составителя неясными, честно отсутствуют толкования, то в академическом «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (вып. 7, М., 1980, с. 195) при слове *кметищь* из кормчих дано мало обоснованное смелое толкование «Представитель привилегированного служилого сословия, воин», практически отождествляющее его с исходным *кметь* «Воин, дружинник; искусный, опытный воин, витязь», а в тоже академическом «Словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.)» (т. IV. М., 1991, с. 352) слова *къметищищь, къметищь* не только отождествляются между собой, но и со словом *къметь* «воин, витязь»,[66] чем и воспользовался К. А. Максимович, просто проигнорировавший трудные формы *къметищищь, къметищь*, благодаря чему смог

«Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С учёным видом знатока
Хранить молчанье в важном споре.»

Здесь особенно показательно постепенное нарастание (само)уверенности лексикологов, как это было и с ошибочной «кавалерийской» семантикой слова *къметь*, постепенно переросшей в тоже ошибочную «воинскую».

Последние новости

В недавно появившейся книге небезызвестного американского медиевиста-шутника[67] Э. Л. Кинана (E. L. Keenan) «Josef Dobrovský and the Origin of the Igor' Tale» (Cambridge, Mass. 2003)[68] развиваются

ещё более экстравагантные, чем у Л. Гавликовой и К. А. Максимовича, идеи о тоже безосновательно выдуманном чешском происхождении термина *къмети* в «Слове о полку Игореве», а последнее игриво объявляется мистификационным сочинением великого слависта Й. Добровского (1753—1829). Слову *къметь* посвящена целая страница (с. 178), кроме того, оно фигурирует в списке из 65 чешских слов (богемизмов) которые, по запредельно-эксцентричному (иное приличное слово сюда подобрать трудно) мнению Э. Л. Кинана, Й. Добровский якобы подсознательно включил в «Слово о полку Игореве» (с. 393).

По поводу действительно затруднительного (troublesome) слова *къметь* Э. Л. Кинан пишет, что Й. Добровский, якобы знал это слово из древнечешского языка и снова-де столкнулся с ним в изданном в 1793 г. «Поучении» Владимира Мономаха, или же в Ипатьевском списке «Повести временных лет» в повествовании под 1185 годом, или же, может быть, в «Девгениевом деянии», которое он якобы мог видеть в рукописи №1773 Погодинского собрания в Российской национальной библиотеке (РНБ=ГПБ) в Петербурге.

Здесь запутавшийся в своих фантазиях и потерявший чувство реальности Э. Кинан допускает массу несообразностей, которые остались незамеченными его нынешним критиком А. А. Зализняком.

Во-первых, уехавший домой из Москвы 7 января 1793 года, Й. Добровский едва ли мог бы познакомиться с петербургским изданием «Поучения», датированным 1793 годом и не содержащим, к тому же, слова *къметии,* которое фактически представлено здесь в искажённом виде *къ мети и*, о чём речь уже шла.

Во-вторых, едва ли мог Й. Добровский в 1792 г. познакомиться со словом *къметь* в Ипатьевском списке «Повести временных лет», поскольку сло́ва *къметие* в этой рукописи (под 1075 годом) вообще нет, оно заменено там словом *смѣтье*, хотя далеко за пределами «Повести временных лет» в Ипатьевской летописи под 1150 годом (не под 1185 годом!) есть абстрактное существительное *кметьство*, но оно находится также совсем не в «Повести» и со словом *къметь* не тождественно.

В-третьих, не мог Й. Добровский видеть в 1792 г. рукопись №1773 с «Девгениевым деянием» из Погодинского собрания в Императорской публичной библиотеке (РНБ) в Петербурге, основанной в 1795 г. и открытой как Публичная в 1814 г., поскольку М. П. Погодин (1800—1875) продал туда своё собрание древностей лишь в 1852 году.

Й. Добровскому, по ничем не подкрепленному мнению Э. Л. Кинана, якобы было хорошо известно, что слово *kmet* в чешском языке изменило своё значение (в противоположность русскому, где слово

рано исчезло) якобы от средневекового «член старшей свиты князя» (member of senior retinue of king) (после XVI века) до «землевладелец» (land-lord)> «арендатор» (farmer) и далее «крестьянин» (peasent), но Э. Кинан совсем забывает о значении «старец, старейшина, сенатор» уже архаичного слова *kmet* в современном чешском.

Согласно Э. Кинану, сочетание побочных значений благородства (nobility) и простоты (simplicity), даже наивности (rusticity) подходит к ситуации «Слова о полку Игореве»: куряне Всеволода — почтенные крестьяне (noble rustics), к тому же настоящие народные удальцы (stalwarts).

Й. Добровский якобы откуда-то знал, что это слово было точным эквивалентом для дружины, для подтверждения чего Э. Кинан дает выписку из знаменитой книги Й. Добровского «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris» (Vindobonae, 1822, p. 129): «дружина Luc. 2,44 est σιvοδια (sic!), comitatus». Но к значению слова *къметь* эта выписка не имеет никакого отношения.

Э. Кинан не смог и даже не пытается доказать обратного.

Для Э. Кинана нет никакого сомнения, что именно чешская и старославянская (Slavonic) историческая семантика слова якобы заняла подобающее <?> место в первоначальном тексте, причём в сноске 159 приводится сокращённая цитата из «Institutiones» Добровского (со стр. 227): «Boh. Senecio, senior; кметове olim apud Bohemos senatores in consilio regio. Apud serbos rusticus senior consilio knezi assidens», — а также зачем-то «глосса» из письма Добровского к Ганке «senex, senior, greis… sonst sedlák»[69], где слово *кметь* отсутствует совсем.

Однако более полная цитата из «Institutiones» Й. Добровского (по имеющемуся у меня под рукой переводу М.П. Погодина): «**кметъ** у Чех. Старецъ, **кметове** прежде у Чех. Сенаторы въ Государственномъ совѣтѣ. У Сербовъ сельской старшина, сопутствующій въ совѣтѣ князю. У Кроат. Кар. kmet, у Пол. kmieć есть поселянинъ. Сличи Чешс. kmecj dwǔr имѣнie сельское (не откупное, em phythenticum, какъ неправильно толкует Томса и его послѣдователи), kmetiĕna, женщина владѣющая сельскимъ имѣнiемъ»[70], — показывает, что древнерусского слова *къметь* Добровский не знал, поскольку и в России оно стало известно лишь в 1816—1819 гг. (о чём речь уже шла) после Н.М. Карамзина, обнаружившего уже к 1816 г. термины *къмети* (в «Девгениевом деянии»)*, къметьство* (в Новгородской I летописи по Синодальному списку) и колебавшегося в их определении между «слуги» и «дружина».

Небезынтересно отметить, что в декабре 1810 года на заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств в Петербурге А.Х. Востоков, комментируя замечание Й. Добровского в альманахе «Slavin» (1806 г.) о том, что «древнейший русский язык отличен был от славянского», поставил в упрёк Й. Добровскому недостаточное знакомство со «Словом о полку Игореве»: «Догадка г-на Добровского совершенно справедлива. Если бы он имел пред собою «Слово о полку Игореве», то увидел бы, что язык оного ещё более удаляется от церковнославянского, нежели язык Ярославской Правды Русской: не только потому, что оно сочинено целым полувеком позже Правды Русской, но ещё, может быть, и потому, что сия последняя писана и переписываема была книжными людьми, т.е. попами или монахами, которые более наблюдали чистую славянщину»[71].

Любопытно, что ясно видевший слово *кметь* в числе 65 «богемизмов», якобы попавших, по Э. Кинану (с. 393), в текст «Слова о полку Игореве», неизвестный ранее скептик[72], а ныне известный яростный защитник подлинности «Слова о полку Игореве» А.А. Зализняк в своих опровержениях фантазий американского медиевиста одновременно беспочвенно числит это слово и по другому разряду арсенала «аргументов» Э. Кинана — по разряду «русизмов»: «*къмети, храбрый, синий, жестокий* в значении «жесткий, крепкий», *година* «пора, период времени». Во всех этих случаях в чешском всё не так — значит, как объясняет нам Кинан, здесь Добровский «отталкивался» от чешского» [73].

Итоги

Из высказывающихся ранее суждений исследователей о семантике древнерусского слова *къметь* наиболее перспективными представляются одно из толкований Н.М. Карамзина («слуга» в расширительном значении), А.С. Пушкина (*«Кметь значит вообще крестьянин, мужик»*) [74] или Б.А. Рыбакова («Как ни отрывочны наши сведения о кметях и кметстве XI—XII вв., но они объясняют нам отмеченное Б.Д. Грековым отождествление кметей со смердами в польских и Галицких источниках»)[75].

Эти соображения и догадки опираются на показательный надёжный материал других славянских языков и не связаны с ошибками типа «метких стрелков» или «лихих наездников», которые породили сомнительную военную версию семантики, приписываемую слову *къметь*.

Важной поддержкой для такого толкования древнерусского слова *къметь* является дальнейшее развитие этимологических соображений И.В. Ягича, который считал, что славянское **kъmetь* генетически связано с народным латинским *cometia* «округ, область»[76], известным ему только по его употреблению в «Chronica slavorum» Арнольда Любекского (умер около 1121—1124 г.). Это латинское слово, превратившись на славянской почве в **kъmetija*, породило у славян единственное число **kъmetь*. Этимологические соображения И.В. Ягича[77] подкрепляются тем обстоятельством, что названный им латинский источник *cometia* известен и как заимствованное слово в словенском (и сербскохорватском, диал.) в форме *kmetija* «крестьянская усадьба, ферма, хутор; хозяйство», рядом с которым появилось *kmet* «крестьянин, мужик, хозяин»[78] в результате редеривации (обратного словопроизводства).

Появлением славянского слова *kъmetь* в результате обратного словообразования из *kъmetíja* объясняются колебания в морфологическом оформлении слова *kъmetь* и *kъmetъ*, на что К.А. Максимович не обратил внимания, следуя в традиционном русле невнимания к морфологическим проблемам.

На словенское *kmetíja* как источник обратного образования для *kmèt* «крестьянин» до сих пор не обращали внимания потому, что *kmetija* рассматривалось как входящее в ряд образований на *-ija* (суффикс этот связан с немецким *-ei: Schneiderei, schusterei, schelmerei)* типа *pisaríja* «писание», *kovačíja* (наряду с *ková̆čnica*) «кузница», *kupčíja* «покупка», *opatíja* «аббатство», *škofíja* (=*škofijstvo*) «епископство» и т.п.[79]

Принятие доработанной здесь латинской этимологии В.И. Ягича для славянского *къметь* в несколько модифицированном виде может служить ещё одним важным аргументом в пользу гипотезы О.Н. Трубачёва о дунайской прародине славян,[80] чего не учитывал сам ученый.

Однако решающим для установления «крестьянской» семантики для славянского *къметь* явились старые заимствования от славян с сохранением ъ начального слога как *u*: румын. *cumet*, прусск. *kumetis* «крестьянин», литовск. *kùmetis* «батрак» и особенно осетинское *xumæ tæg* и *x°ymæ tæg* «простой, обыкновенный; наивный» (с наращением *-æg* суффиксального характера), а также обратные заимствования в славянские языки: болгар. редк. *кумет*, польск. *kumieć*, русск. в Литве *куме́ть* «батрак»[81].

Приходится учитывать, что слово *къметь* в древнерусской письменности обычно привязано к военным контекстам, но этого одного

недостаточно, чтобы объявить его военным термином: в военных делах принимают участие не только профессиональные военные, но в них втягиваются совершенно различные слои населения, оказавшиеся в сфере боевых действий. Однозначной военной трактовке термина противятся двусмысленность всех этих контекстов, а также явно «цивильная» семантика этого слова в других славянских языках и за их пределами, а также этимология, совершенно чуждая военной сфере.

Важную роль в выведении слова *къметь* за пределы военной сферы играют такие мелкие детали как его отождествление со словом *мужи* в рассказе 1075 г. «Повести временных лет» или *курских кметей* «Слова о полку Игореве» с *черными людьми* в повествовании Ипатьевской летописи о тех же событиях 1185 года, которые описаны в «Слове о полку Игореве».

Важную роль в становлении ошибочного причисления древнерусского слова *къметь* к военной сфере играет не только отошедшая в прошлое опора на ошибочное чтение этого слова первыми издателями «Слова о полку Игореве» и на ошибочное восприятие чешского *kmeť = sedlák* как «всадник, наездник» К. Ф. Калайдовичем и его последователями, но и не вполне оправданное отожествление действительно собирательного существительного *къметьства* (с вариантами *доброименитыхъ* и *кметѣи* в формах множественного числа) и лжесобирательной формы *кметье* с *дружиной* у весьма авторитетного Н. М. Карамзина, который весьма решительно и односторонне истолковал сообщение новгородских (I, IV, V) летописей 1187 года о карательном походе новгородцев.

Лишенная военной романтики прозаическая невоенная трактовка слова *къметь* не имеет опоры на ошибочный материал и выглядит поэтому более правдоподобной, хотя и требует дальнейших разысканий в поисках уточнений.

На первый взгляд «крестьянской» семантике древнерусского термина *къметь* противоречит семантика «боярская», которая также проглядывает в собранном здесь материале, но это противоречие оказывается мнимым, если мы учтём, что эти употребления относятся к разным ступеням иерархически построенного общества при общности значения «подданный» (по отношению к сюзеренам, которые тоже находятся в отношении сюзеренитета — вассалитета). Основным смысловым элементом термина *къметь* в древнерусском языке был компонент «подчинённость, зависимость от вышестоящего в социальной иерархии», как это убедительно показано применительно к аналогичному термину в средневековье у западных славян: чеш. *kmet*, польск. *kmieć* и их латинизированный аналог *cmeto/cmetones*[82].

В заключение надо сказать, что предложенные в данном разыскании результаты смыслового анализа слова *къметь* нашли неожиданную поддержку в виде догадки, сделанной известным библиофилом, артистом Иваном Михайловичем Кудрявцевым (1898—1966) в принадлежавшем ему экземпляре первого издания «Слова о полку Игореве», где «на странице 8 он подчёркивает слово «кмети» и пишет: «подданные (см. Ист. Гос. Рос. III, с. 166, примечание 164 стр.). См. также Лавр<ентьевскую> летопись 1075 г.»[83].

Слово *къметь* явилось самым старым названием в ряду лиц крестьянского сословия, продолженных терминами *смьрдъ, крестьянин, мужик* и т. д., ждущими своего комплексного историко-лексикологического изучения и исторического осмысления.

Примечания

[1] *Настольный* энциклопедический словарь, т. IV-й (выпуски 43—56): Кальдерон-Ленский (объяснено 7264 слова). Издание с 4-го тома товарищества А. Гранат и К °, бывшее Т-ва А. Гарбель К °. М., 1892, с. 2188.

[2] Лаврентьевская летопись (ПСРЛ 1926—1928, I_2, стб. 198—199); также Новгородская IV (ПСРЛ 1915, IV_2, ч. 1, вып. 1, 133: в Академическом (XVI в.) и Голицынском (первая половина XVI в.) списках *сметье*); также Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского (ПСРЛ 2004, XL, 60: *кметье*).

[3] ПРСЛ 1908, II_2, стб. 190, с. 15 особой пагинации разночтений, аналогично в Никоновской летописи (ПСРЛ 1862, IX, 107: *сметіе*) и Новгородской Карамзинской (ПСРЛ 2002, т. XLII, 71: *смѣтье*).

[4] ПСРЛ 1949, XXV, 147. Аналогичные чтения находим в Софийской первой (ПСРЛ 1925, V_2, вып. 1, 146) и Типографской (ПСРЛ 1921, XXIV, 68) летописях; Софийской первой летописи по списку И.Н. Царского (ПСРЛ 1994, XXXIX, 83: *и сметие*).

[5] В Густынской летописи XVII века речь немецких послов существенно переделана и сильно сокращена: *Они же отвѣща..: Яко на землѣ ничто же есть вѣчъно* (ПСРЛ 2003, XL, 59).

[6] Российская историческая библиотека, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времён, ч. I: Летопись Несторова с продолжениями по Кёнигсбергскому списку до 1206. СПб., 1767, с. 123. Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением имп. Академии наук, ч. I. СПб., 1767, с. 178. Ср.: ПСРЛ 1989, XXXVIII, 81: *кметие лочше.*

[7] *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. II, СПб., 1816 (далее сокращенно: $Карамзин_1$ с указанием года издания и тома. Аналогично даются и ссылки на второе издание)

[8] *Vaillant A.* La chronique de Kiev et son auteur // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, књ.20, св. 3—4, Београд, 1954, p. 177.

[9] Сходный топос есть в повествованиях об Александре Македонском, который на вопрос «… где сокровище храниши?» — дает ответ «и простеръ же руку, показа дружину рече: “В сих”.» См. об этом: *Бобров А. Т.* Существовал ли Мусин-Пушкинский

сборник со «Словом о полку Игореве»? // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2007, №1/2, с. 42.

[10] *Новгородская* первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, с. 38, 229.

[11] *Летописец* Новгородский, начинающийся от 6525/1017 году и кончающийся 6860/1352 годом. М., 1781, с. 49. То же в издании1819 (с. 59).

[12] *Новгородский* летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 // Продолжение Древней российской вивлиофики, ч. II. СПб., 1786, с.

[13] *Карамзин Н.М.* История государства Российского, т. III. СПб., 1816, с. 82, 447, прим. 84; 2 изд., 1818, с. 83—84; с. 64 пагинации примечаний.

[14] ПСРЛ 1915, IV_2 ч.1, вып. 1, 174; ср.: ПСРЛ 1917, IV_2 ч. 2, вып.1, 175, ПСРЛ 2002, XLII, 106: *избени быша пермскии и югорьскии, а другѣи паде голов о стѣ кметей.*

[15] *Духовная* великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в Летописи Суздальской «Поученье». СПб., 1793, 44.

[16] *Калайдович К.Ф.* Нечто о славянском переводе Кормчей и древнейшем оной списке // Вестник Европы, 1820, ч. CX, №6, с. 29, прим*.

[17] *Слово* о полку Игореве. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950, с. 104, 373.

[18] *Дигенис* Акрит: Перевод, статьи и комментарии А.Я. Сыркина. М., 1960.

[19] *Ricsoslovnik* (vocabolario — Wörterbuch) illiricskoga jezika s' jednom pridpostavlenom gramatikom illi pismenstvom: sve ovo sabrano i sloxeno od Jose Voltiggi istrjanina. U Becsu (Vienna), 1803, s. 174.

[20] Погодинский список цитируется с указанием страницы в скобках по изданию М.Н. Сперанского: Девгениево деяние: К истории его текста в старинной русской письменности: исслед. и тексты (= *Сборник* Отделения русского языка и словесности Академии наук, т.99, №7, Пг., 1922), осуществленному по изданию А.Н. Пыпина в его книге: *Очерк* литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, причем для издания М.Н. Сперанского текст был сличен с рукописью В.В. Виноградовым. В книге К.А. Максимовича «Законъ соудьныи людьмъ» (М., 2004, с. 62, 67) дважды приведено второе употребление Погодинского списка с ложной ссылкой на издание В.Д. Кузьминой, где на указанной странице такой цитаты нет. Цитата взята тайно на самом деле или из «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (вып. 7, М., 1980, с. 195) или из «Словаря — справочника «Слова о полку Игореве»» (вып. 3, Л., 1969, с. 43) В.Л. Виноградовой, где цитируется Погодинский список по изданию М.Н. Сперанского.

[21] Цитируется, как и далее Титовский список, по фотографическому воспроизведению рукописей в издании: Кузьмина В.Д. Девгениево деяние (Деяние прежних времён храбрых человек). М., 1962 — с указанием страницы в скобках после цитаты.

[22] *Кузьмина В.Д.* Девгениево деяние (Деяние прежних времён храбрых человек). М., 1962, с. 63. Это характерно также для слова *къметь*, которое позже 1187 года не встречается.

[23] От этого соблазна не ушёл К.А. Максимович, считающий в своей небрежной книге «Законъ соудьныи людьмъ» (М., 2004, с. 62, прим. 9) *кметей* дружинниками загадочного «среднего звена» в противоположность простым воинам (*вои*) и воеводам (*тысящники)*. Слово *кметь* переводится как «витязь» и в компиляции О.В. Творогова в рассчитанном на широкого читателя ненаучном издании Д.С. Лихачёва и Л.А. Дмитриева: «Памятники литературы Древней Руси: XIII век», М., 1981, напр.: с. 31, 33, 37 и т.д.

[24] Волки скачут не в качестве всадников! — *И.Д.*

[25] *Калайдович К.Ф.* Нечто о Славянском переводе Кормчей и древнейшем оной списке // Вестник Европы, 1820, ч. CX, №5, март, с.29—31. К.А. Максимовичу эта работа осталась неизвестной; в его книге: «Законъ соудныи людьмъ». М., 2004. В связи с этим К.А, Максимоич отдает опрометчиво пальму первенства в упоминании «Закона судного людем» В. Копитару, писавшему о памятнике в 1823 году (с. 7).

[26] *Прийма Ф.Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980, с. 88.

[27] Правомочность такого перевода подкрепляется, если отождествить *черныꙗ люди*, о которых рассуждают участники похода Игоря в Ипатьевской летописи под 1185 годом: *ѡже побѣгнемъ оутечемъ сами · а черныꙗ люди ѡставимъ · то ѿ Ба҃ ны боудеть грѣхъ* (ПСРЛ 1908, II_2, стб. 641), — и *коуряни свѣдоми къмети* «Слова о полку Игореве», на что внимания почти не обращали.

[28] *Шишков А.С.* Rukopis kralodworský. Sebranj liriko-epickych narodnjch zpěvů. Wydan od Waklawa (sic!) Hanky w praze, u Bohumila Hase a Jos. Krause, 1819. то есть Рукопись Кралодворская. Собраніе лирико-эпических народныхъ пѣснопѣній. Издана Ваклавомъ Ганкою. В Прагѣ. У Богумила Гаса и Іос. Краусе. 1819. // Извѣстія Россійской академіи, книжка осьмая. СПб., 1820, с. 70.

[29] *Hanka W.* Igor Swatoslavič. Hrdinský zpiew o taženj proti Polowcům. Wěrně w půwodnjm gazyku, s připogenj českého a Německého přeloženj. W Praze, 1821, s. 6, 7, 61.

[30] *Грамматин Н.Ф.* Слово о полку Игореве, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славянском языке прозою и с оной переложенная стихами древнейшего русского размера, с присовокупленном другого буквального переложения, с историческими и критическими же рассуждениями и родословною. М., 1823, с. 127; *Дубенский Д.Н.* Слово о полку Игореве Святославля песнотворца старого времени, объяснённое по древним памятникам (= Русские достопамятности, III) М., 1844, с. 32—33; *Головин Н.Г.* Примечания на «Слово о полку Игореве». М., 1846, с. 123.

[31] Можно думать, что статьи *кметь, кметьство* в Словаре 1847 года принадлежат академику П.Г. Буткову, который, по сведениям Предисловия (т. I, с. XIV), «извлёкъ множество словъ изъ Русскихъ Лѣтописей, историческихъ актовъ, Русской правды, Слова о полку Игореве, съ присовокупленіемъ къ нимъ объясненій и примѣровъ»: из Слова и полку Игореве, Поучения Владимира Мономаха (*кметь*); из Новгородской I летописи (*кметьство* собир. «сословие кметей») и из Ипатьевской (*кметьство* «ополчение кметей»). Более осмотрительный «Словарь церковнославянского языка, составленный академиком А.Х. Востоковым» (т. I. СПб., 1858, с. 191) осторожно не соглашается с категорической опрометчивостью академического «Словарям» 1847 года и оглядывается на славянский материал: «**Къметь**, с.м. Въ стар. Русск. воинъ Сл. о п. Игор. *а мои ти куряни свѣдоми къмети.* Лавр. поуч. Влад. Мон. *и инѣхъ къметии молодыхъ* еі҃. — У другихъ Словянъ *кметь, работникъ, земледѣлецъ*, и по свидетельству Карамзина, Ист. Г. Р. III, 272 въ повѣстяхъ, помещённыхъ вмѣстѣ со Словомъ о п. Игор. *кмети* употреблено въ значеніи слугъ. — *къметье* мн. ч. Лавр. 66 *сего* (т.е. богатства) *суть кметье луче. мужи бо ся доищуть болше сего*».

[32] *Максимович К.А.* Моравизмы в древнерусском книжном языке: ст-сл. **къмьть,* др.-рус. *кметь* // Russian Linguistics, v.28, 2004, s.109—123; Максимович К.А. Законъ соудныи людьмъ. М., 2004, с. 240; *Максимович К.А.* Западнославянская культурная лексика в древнерусском языке: ст.-сл. *витязь* // Лингвистическая герменевтика, вып. 1: К 70-летию доктора филологических наук, профессора И.Г. Добродомова. М., 2005, с. 111—116.

[33] В древнерусском языке это слово сильно варьировалось: *комисъ, комись, кумсъ* (основа именительного падежа), *комитъ, кумит-* (основа косвенных падежей). См. «Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 7. М., 1980, с. 262, 263.

[34] *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994, с. 183, 409—410, 415—416.

[35] *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел III: Книги богослужебные (часть вторая). М., 1917, с.71.

[36] *Сводный* каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984, с. 126.

[37] В изданном И.П. Сахаровым сводном «Азбуковнике и сказании о неудобь познаваемых речех» есть словарная статья: «*Кметъ*, виссонъ» (См.: Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. 2, СПб., 1849, с. 165), но к истории социального термина *къметъ* этот гапакс не относится.

[38] *Словник* староукраїнської мови XIV—XV ст. т. 1. Київ, 1977, с. 478

[39] *Vaillant A.* Le Digénis slave // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1955, књ. 21, p. 197—228; *Mazon A.* Le slovo d'Igor//Révue des études slaves, t. XXI, 1944, p.23; *Mazon A.* Chronique// Révue des études slaves, t. XXV, 1950, p. 187. Ср. критику В.Д. Кузьминой: Девгениево деяние. М., 1962, с. 10.

[40] *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке (XI—XIII вв.). Л., 1970, с. 66.

[41] *Воинские* повести Древней Руси. Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц М.-Л., 1949, с. 35.

[42] *Памятники* Куликовского цикла. СПб., 1998, с. 89—90 (Кирилло-Белозерский список XV в.); 98 (Синодальный список XVII в.); 114 (список В.М. Ундольского XVII в.); 127 (список Государственного исторического музея №2060 середины XVI века).

[43] *Поведание* и сказание о побоище великого князя Димитрия Донского // Русский исторический сборник, издаваемый обществом истории и древностей российских. М., 1838, т. III, кн. 1, с.23.

[44] *Костомаров Н.И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. СПб., 1863, т. II, с. 84. Со ссылками *Новг. I, 19* и *Новг. IV, 49* на статьи 1187 года в ПСРЛ III 1841, с. 19 и ПСРЛ IV, 1848, 17 (вм. 49), где о задиристости кметей не говорится ничего.

[45] *Прийма Ф.Я.* «А мои ти Куряни свѣдоми къмети …» (Опыт комментария) // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976, с. 58—59

[46] *Максимович К.А.* Моравизмы в древнерусском книжном языке: ст.-сл. **къмьть,* др.-рус. *кметь* // Russian Linguistics, 28, 2004, с. 109—123 (ссылки на страницы даны в тексте в круглых скобках).

[47] *Максимович К.А.* Законъ соудьныи людьмъ. М., 2004, с. 62, прим. 9. На с. 61 древнерусскому *кметь* здесь придаётся также невнятное значение «военный чин, дружинник; вассал».

[48] Применительно к смутному эпитету *знатный* (воин, дружинник), читателю приходится решать загадку, аналогичную той, которую, правда, в XIX веке обсуждает заглавный герой очерка И.А. Гончарова «Иван Савич Поджабрин» по поводу услышанного им сочетания *знатная барыня*: «Знатная! — говорилъ Иванъ Савичъ Авдѣю, — что это у него значитъ?... Она можетъ быть знатная потому, что и въ самомъ дѣлѣ знатная, и потому, что можетъ быть даётъ ему знатно на водку, или знатная собой?...» (Современник, т. VI, 1848, №1, с. 66).

[49] *Потебня А.А.* Малорусская народная песня по списку XVI в. // Филологические записки. Воронеж, 1877, вып. II, с. 8—7 (разд. нагин.).

[50] *Козырев В.А.* Словарный состав «Слова о полку Игореве». Лексика современных русских народных говоров // Труды Отдела древнерусской литературы. Вып. XXXI, Л., 1976, с. 98—99.

[51] *Карамзин Н.М.* История Государства Российского, т. V. СПб., 1817, с. 586, примеч. 428.

[52] *Максимова А.Л.* Существительные с суффиксами —*ич*-, -*ищ*- и их производные в русском языке. Л., 1985, с. 31, 46, 52: автор наивно придает суффиксу только примитивное значение лица мужского рода или невзрослости, но не противопоставляет суффиксальные образования *къметищь, къметичищь* ни друг другу, ни бессуффиксному *къметь* и говорит лишь о загадочной «суффиксальной избыточности».

[53] Закон Судный людем краткой редакции: Подготовили к печати М.Н. Тихомиров, Л.В. Милов. М., 1961, с. 36. Далее ссылки на страницы этого издания в тексте.

[54] Закон Судный людем пространной и сводной редакции: Подготовили к печати Л.В. Милов и М.Н. Тихомиров. М., 1961, с. 34, 58, 85, 121, 140.

[55] *Крысько В.Б.* Исторический синтаксис русского языка. М., 1997, с. 159 со ссылкой: *Pennington A.E.* grigorij Kotošixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča: Text and Commentary. Oxford, 1980, p. 148.

[56] *Vašica J.* Zakon sudnyj ljudem // Magnae Moraviae fontes historici, t. IV. Brno 1970, s. 180—181.

[57] *Добродомов И.Г.* Ещё раз: *куряне сведоми къмети* «Слова о полку Игореве» // Вопросы языкознания, 1997, №3, с. 59.

[58] *Максимович К.А.* Моравизмы в древнерусском книжном языке: ст.-сл.**къмьть*, др.-рус. *кметь*// Russian Linguistics, v.28, 2004, s. 115. Здесь замалчиваются фонетическая реконструкция слова *къметь* у Й. Ващицы, противоречащая фантастической реконструкции К.А. Максимовича * *къмьть*, и противоречащий трактовке К.А. Максимовича перевод древнерусского *къметь* чешским *kmet* «старейшина, старец, сенатор»

[59] *Максимович К.А.* Законъ соудьныи людьмъ. М., 2004, с. 43. Есть еще более заковыристое гелертерское название для глосс: *Гайнуллина Н.И.* Метатекстовые единицы как ключ к пониманию исторического текста // Слово в языке и речи (Книга памяти проф. О.А. Султанъяева). Кокшетау, 2006, с. 119—124.

[60] *Гавликова Л.* Трансформация, рецепция и адаптация византийской военно-политической терминологии в славянской среде // Византийский временник, 50. М., 1989, с. 63; *Максимович К.А.* Законъ судьныи людьмъ. М., 2004, с. 67: Здесь обращает на себя внимание отсутствие прямой ссылки на Л. Гавликову как на источник ошибочного тезиса, что не украшает работу К.А. Максимовича.

[61] «Книги законныя», содержащие в себе, в древне-русском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. Издал … А. Павлов. СПб., 1885, с. 78.

[62] *Максимович К.А.* Моравизмы в древнерусском книжном языке: ст.-сл. **къмьть*, др.-рус. кметь// Russian Linguistics, 28 (2004), с. 115.

[63] В книге «Законъ соудьный людьмъ» К.А. Максимович даже поэтому не упоминает издания «Книг законных» 1885 г. А.С. Павлова, хотя весьма часто разбирает другие его труды в целом и по отдельным вопросам.

[64] *Gebauer J.* Slovník staročeský, díl II [K-N]. Praha, 1970, s. 59—60.

[65] *Vašica J.* Zakon sudnyj ljudem // Magnae Moraviae fontes historici, t. IV. Brno 1970, s. 181.

[66] В стороне остается загадочное толкование загадочной формы в «Материалах для терминологического словаря Древней России» Г.Е. Кочина (М.-Л., 1937, с. 144): "**Кметичища** — собирательное к «кметь»"

[67] Имеется в виду та легкость в мыслях необыкновенная, с которой он обходит трудные вопросы и шутя освещает их в духе своей произвольной концепции, не веря их сложности.

[68] Обзор обсуждений и появившихся рецензий см.: *Гальперин Ч.* «Подлинник? Подделка? Опять подделка!» Эдвард Кинан, Йозеф Добровский и происхождение «Слова о полку Игореве» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские балканские исследования, 2007, №1/2, с. 6.

[69] *Vrťatko A.J.* Vzajemné dopisy Václ. Hanky a Jos. Dobrovského // Časopis českého muzea 44, pt. 3, 1870, s. 315.

[70] Грамматика языка славянского по древнему наречию, на коем Россияне, Сербы и другие Славяне Греческого исповедания, и Далматы Глаголиты Римского исповедания имеют церковные книги. Сочинение Аббата Иосифа Добровского, Философии Доктора, члена Чешского общества наук, и других обществ. Часть I. Перевёл с латинского М. Погодин. СПб., 1833, с. 271—272.

[71] Филологические наблюдения А.Х. Востокова. Издал И. Срезневский. СПб., 1865, с. XVIII.

[72] А.А. Зализняк писал о себе, что «давление пропаганды советского времени предрасполагало его, как и многих других, к сопротивлению подобному насильственному единомыслию и, следовательно, к некоторому недоверию». См.: *Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004, с. 13.

[73] *Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004, с. 293—294. Без отсылок к соответствующим страницам книги Э. Кинана.

[74] Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XII. М., 1949.

[75] *Рыбаков Б.А.* Смерды // История СССР, 1979, №1, с. 49—59; №2, с. 36—57.

[76] Из классического *comitia* «народное собрание» — мн. ч. к *comitium* «комиций», т.е. «место на форуме, где проходили народные собрания» (от глагола *comeo, coëo* «сходиться»).

[77] *Jagić V.* [Rez.:] Karszniewicz W. Über die Abstammung und Bedeutung des Wortes *kmet*. Agram, 1885 // Archiv für slavische Philologie, Bd. XVIII, 1896, S. 308.

[78] *Добродомов И.Г.* Происхождение и значение слова *къметь* в «Слове о полку Игореве» // Честному и грозному Ивану Васильевичу. К 70-летию Ивана Васильевича Левочкина. М., 2004, с. 17—22.

[79] *Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik, I. Band. Göttingen, 1906, S. 405

[80] *Трубачёв О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2-е. М., 2002.

[81] *Добродомов И.Г.* Ещё раз: *куряне сведоми къмети* «Слово о полку Игореве» // Вопросы языкознания, 1997, №3, с. 59—60.

[82] *Bogucki A.* Termin "kmieć" w zródłach polskich XIII i XIV wieku // Spoleczenstwo Polski średniowiecznej, tom VIII. Warszava, 1999, s. 131—154.

[83] *Гребенюк В.П.* Экземпляры первого издания «Слова о полку Игореве» в некоторых частных московских собраниях // Альманах библиофила, вып. 21. М., 1986, с. 56.